

А.В. ВСЕВОЛОДОВ

ДОКУМЕНТЫ ОКРУЖНЫХ СЪЕЗДОВ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА 1860 – 1870-Х ГОДОВ ПО ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ: ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Череповецкий государственный университет,
г. Череповец

vsevolodov12@yandex.ru

A.V. VSEVOLODOV

DOCUMENTS OF THE DISTRICT CONGRESSES OF THE PARISH CLERGY OF THE 1860s – 1870s FOR THE VOLOGDA DIOCESE: A CASE OF SOURCE ANALYSIS

Cherepovets State University,
Cherepovets

Аннотация

В статье предпринимается попытка анализа малоизученной разновидности источников по истории церковных преобразований 1860 – 1870-х гг. – материалов окружных (благочиннических) съездов приходского духовенства. Рассматриваются документы съездов, проходивших в 1868 – 1877 гг. в Вологодской епархии (где они получили название «периодических собраний»). Исследуемый комплекс состоит из журнала периодического собрания, сопроводительных документов к нему – рапорта благочинного, текстов речей и особых мнений, записок духовенства, а также определения духовной консистории. Непосредственно связаны с ним публикация о собрании в «Епархиальных ведомостях» и запись о нем в церковно-приходской летописи. Таким образом, наряду с традиционными для церковного делопроизводства XIX в. составляющими, он включает и новые, характерно отображающие специфику своего времени. Журналы периодических собраний зафиксировали изменения, происходившие в самосознании духовенства – в частности, преодоление им своеобразного «страха» перед дискуссиями, в том числе дискуссиями публичными, и формирование навыков высказывания и отстаивания коллективных интересов. Неслучайно при их составлении чаще использовалась свободнотекстовая форма записи, чем табличная.

Ключевые слова:

духовенство, преобразования, съезды, собрания, Вологодская епархия, журнал, делопроизводство

Abstract

An attempt is made to analyze a little-studied variety of sources of the history of Church transformations in the 1860s–1870s – materials of the district (deanery) congresses of parish clergy. The documents of the congresses held in 1868–1877 in the Vologda diocese (where they were called «periodic meetings») are considered. The studied complex consists of the journal of the periodic meeting and accompanying documents, such as the Archpriest's report, texts of speeches and dissenting opinions, notes of the clergy, as well as the definition of the spiritual consistory. The publication of the meeting in the «Diocesan Gazette» and the entry about it in the parish chronicles are directly related to it. The journals of the periodic meetings recorded changes that took place in the self-consciousness of the clergy – in particular, overcoming their «fear» of discussions, including public discussions, and the formation of skills of expressing and defending collective interests. It is no coincidence that, when compiling the journals, the free-text form of the record was used more often than the tabular one.

Keywords:
parish clergy, transformations, congresses, meetings, Vologda diocese, journal, church office work

Деятельность окружных (благочиннических) съездов приходского духовенства стала частью комплекса мероприятий, обычно называемых в отечественной историографии («церковными реформами») («реформой») 1860 – 1870-х гг. [1 – 4]. Появившись в 1864 г. в двух епархиях, Минской и Орловской, эти совещательные органы вскоре стали всероссийским по масштабу явлением [5, с. 142 – 143]. Однако до сих пор они были обойдены вниманием историков; точно так же практически не изучено и делопроизводство съездов. Исключение составляют материалы епархиальных съездов, однако в посвященных им исследованиях источниковедческий анализ или его элементы лишь по необходимости дополняют общий обзор деятельности съездов либо помогают раскрыть частные аспекты их работы [6 – 8].

Анализ сохранившихся материалов окружных съездов как делопроизводственных комплексов требует сочетать исследование обстоятельств появления, особенностей формы, структуры и информационных возможностей документов с рассмотрением через их призму повседневной работы съездов и, что особенно ценно, умственной обстановки, в которой она проходила.

Необычность этой обстановки заключалась уже в том, что съезды духовенства позволяли их участникам достигнуть, пусть и не без труда, некоторой свободы общения, а постепенно даже воспитать привычку к ней. В Синодальное время каждый приходской клирик был частью системы с двойной субординацией: религиозно-иерархической и светско-бюрократической – в которой всякое непосредственное общение задавалось логикой последовательного жесткого подчинения нижестоящих вышестоящим либо замещалось письменной коммуникацией, которая к 1840-м гг., как и в гражданском управлении, обрела унифицированные формы в жанровом и структурном плане (базовыми среди них являлись отчетная ведомость, покорнейшее прошение и рапорт) [9, с. 139; 10].

Значимость рядового священнослужителя в рамках Ведомства православного исповедания определялась во многом именно участием в документообороте. Неслучайно последнее в коллективных представлениях духовенства конституировалось как особый род обязанностей. Это формировало определенный тип личности и делало востребованными соответствующие социальные навыки [11, с. 414 – 417]. В любой сообщаемой ему документами роли – смиренного просителя, поневоле настырного жалобщика или просто исполнительного подчиненного, клирик оставался если и не пассивен, то, по крайней мере, не самостоятелен, а главное – одинок, лишен, в отличие от других социальных слоев, какой-либо корпоративной поддержки, воплощенной в постоянно действующих сословных учреждениях [12, с. 65; 13, с. 277].

Между тем, сам замысел церковных реформ при внесении его на уровень епархии и конкретного прихода нуждался в опоре на кор-

порацию. Их ключевой тезис – о необходимости («улучшения быта») клира – подразумевал, прежде всего, что будет предварительно прояснена общая картина этого быта, что и было сделано в ходе всероссийского опроса приходского духовенства, проведенного по единой программе в 1863 г. Опрос включал в себя подачу не только статистических сведений о средствах содержания каждого приходского причта, но и так называемых «мнений» о средствах и способах повышения его благосостояния. Все материалы с мест поступали в Особое Присутствие по делам православного духовенства вместе с отзывами епархиальных архиереев. Необходимость созыва местных съездов клира впервые была осознана уже тогда.

Управляющий делами Присутствия Д.Н. Толстой в своих записках указывал, что единственным способом («улучшения клира и в нравственном, и в материальном отношении») он полагал только преобразование всего строя церковного управления [14, с. 62; 15]. Члены Присутствия от духовенства одобрили предложенный им текст анкеты опроса вместе с порядком ее обсуждения в епархиях (оно должно было проходить «в местных собраниях под председательством благочинных с тем, чтобы ответы были изъяты из-под влияния местных архиереев и консисторий»). Однако министр внутренних дел П.А. Валуев лично исключил из первоначального вопроса программы до трех четвертей всех пунктов и заявил категорически, что «на местные съезды духовенства он... согласиться не может» [16, л. 13 об.–15; 14, с. 63; 15, с. 94].

Запрет министра привел к тому, что в 1863 г. идея съездов духовенства реализовалась в своеобразно суррогатной форме – в виде частных бесед, посвященных составлению ответов на программу-анкету Особого Присутствия, которые обычно устраивались в домах благочинных или духовников [17]. Пользуясь словами П.Н. Ткачева, можно сказать, что в этих беседах проявилось общее для всего российского общества настроение и потребность «как можно скорее "высказаться", как можно скорее поделиться с своими ближними запасом мыслей и чувств, накопившихся в глубоких тайниках его души в тяжелые, бесконечные дни его "обязательного молчания"» [18, с. 552].

Вовлечению священнослужителей в публичную деятельность естественным образом способствовала начавшаяся вскоре земская реформа. И здесь ярко проявили себя накопившиеся социальные и интеллектуальные противоречия между духовенством и дворянством [подробнее см.: 19, с. 107; 20, с. 314 – 318]. Гласные от клира часто приступали к земской работе (новой для них не только практически, но и чисто коммуникативно) с излишним энтузиазмом, воспринимая ее как компенсацию за многолетнее пренебрежение со стороны благородного сословия. «А каково, вы думаете, сидеть им (помещикам – А.В.) рядом с нами в собрании, когда они ... столетиями привычки держать нас в своих прихожих, а их залы и гостиные, кажется, чуть ли не до сих пор для нас недостижимые святилища?!» – восклицал, например, корреспондент «Воронежских епархиальных ведомостей» [21]. Ответом на подобные тирады были сомнения в способности духовенства к самостоятельной деятельности, к отстаиванию собственной независимой позиции по обществен-

но значимым вопросам. Указывали не только на отсутствие у клириков какого-либо опыта, но и на излишнюю озабоченность их собственным материальным благополучием. Так, олонечский губернатор Ю.К. Арсеньев отмечал, что «Местные священники ни о чем не заботятся, кроме своих треб и добывания от них денег, самое знание непосредственно окружающего их края весьма недостаточное», из чего делал вывод о непригодности их к избранию в гласные [22, с. 114].

Еще одно обстоятельство, подготовившее почву для возникновения съездов, – начало издания в 1860-е гг. епархиальных ведомостей, на страницах которых порой живо обсуждалась не только мысль о необходимости их скорейшего созыва, но и значение их для преодоления пространственной и социально-культурной разобщенности приходского духовенства, как это было в Вологодской епархии [23]. С точки зрения того, как деятельность окружных съездов способствовала формированию единой информационной среды церковных преобразований, именно вологодский пример, по нашему мнению, должен быть рассмотрен подробнее.

Первые благочиннические съезды («периодические собрания») на территории епархии состоялись еще 27 августа 1868 г. в четвертом и пятом округах Кадниковского уезда [24, с. 296]. Но по-настоящему широко распространилась новая практика в ноябре того же года, после публикации примерных правил собраний, на проект которых, составленный при активной поддержке епископа Павла (Доброхотова), из всех 10 уездов епархии предварительно поступили письменные отзывы. 26 – 27 ноября 1868 г. в с. Кубенском Вологодского уезда на съезд собралось духовенство благочиния Н. Якубова [25, с. 35 – 39; 26, с. 79]. 28 ноября собрание прошло также в Вологодском уезде, в округе священника А. Куперовского [27, с. 359; 28, л. 126]. Сразу девять съездов собрались в декабре: три – в Вологодском, по два – в Кадниковском и Никольском уездах и по одному – в Яренском и Тотемском [28, л. 3 – 9, 21 – 24, 42 – 43, 52 – 55; 29, л. 6 – 11; 26, с. 72 – 78, 80; 30, с. 107 – 115; 31, с. 192 – 196]. Последнее известное по сохранившимся архивным источникам периодическое собрание состоялось 3 января 1877 г. По совпадению случилось оно в том же четвертом округе Кадниковского уезда, который и положил начало этой практике [32, л. 8 – 10]. Публикации в «Епархиальных ведомостях» полных журналов или извлечений из них, начавшиеся по мере того, как совещательный почин распространялся на новые и новые округа, сделались из регулярных эпизодическими уже после 1869 г.

Первичным документом в делопроизводстве любого вологодского собрания был журнал. Типологически его следует отнести к обширной группе массовых источников, получивших в России распространение с первой четверти XVIII в., которая насчитывает для дореволюционного времени множество специализированных разновидностей [33, с. 397; 34, с. 307 – 308; 35]. Связанная с оперативным назначением журналов (фиксировать обсуждение тех или иных вопросов как коммуникацию нескольких участников и представлять результаты этого процесса в законченном виде) их устойчивая внутренняя организация, базовые конструктивные элементы которой оставались неизменными при широкой

композиционной вариативности конкретных документов, позволяет сделать основой методики их изучения формулярный анализ.

Дошедшие до нашего времени всего в составе шести дел Государственного архива Вологодской области журналы периодических собраний по различным основаниям могут быть собраны в несколько неравных групп: 1. по наличию формулярных признаков: 1) полного состава (заголовок – преамбула – основная часть с повесткой дня – заключительная клаузула (резюмирующая часть)); 2) усеченного состава (в документах данной группы какая-либо из перечисленных статей отсутствует или присоединяется к другой); 2. по особенностям структурирования материала: 1) текстовые в лист или в одну-две колонки – с полями и без полей; 2) табличные; 3. по принципу ведения записи: 1) нарративного типа с элементами формуляра; 2) протокольного типа – с обязательной рубрикацией по общей схеме «Слушали / Постановили»; 4. по особенностям постабейного членения документа: 1) с рубрикацией (цифровой или буквенно-цифровой; заголовочной или внутри пунктов); 2) сплошные без рубрикации.

Примерный объем журнала с количеством вопросов в повестке дня от трех до 10 составлял не более трех-пяти листов двусторонней записи. Иногда повестка могла разрастаться до 19 пунктов [26, с. 72 – 78] или, наоборот, уменьшаться только до одного. Из 70 проанализированных нами рукописных журналов заседаний, с учетом повторных, 47 относятся к 1869 г.; 11 – к 1870 г.; пять – к 1871 г. (столько же датируются 1868 г.); по одному – к 1876 и 1877 гг. Несмотря на фрагментарную сохранность документов вологодских съездов (отметим в этой связи, что разыскание новых материалов о них представляет собой насущную задачу), все-таки можно предположить, что временем наиболее активной их работы стал именно рубеж 1860 – 1870-х гг., когда смог реализоваться накопленный в предыдущие годы дискуссионный потенциал епархиального духовенства.

Характерно, что итоги первых периодических собраний квалифицировались благочинными как первый слабый опыт, первоначальное наше малое занятие, начинание дела, новый незнакомый труд, «неприступности» которого духовенство боялось – но сумело победить ее грудью (!) [36, л. 82; 28, л. 2, 8; 37, л. 91]. Страх парадоксально сочетался с энтузиазмом и падающим желанием проводить собрания в строгом соответствии с нормами инструкции. По оценке священника Д. Пахолкова, подчиненные ему клирики «истинно отличились в этом [первом – А.В.] собрании соблюдением порядка и благоприличия и полною готовностью к усиленным занятиям, трудясь по 10 часов сряду, не сходя со стула» [28, л. 10 об.]. Вологодский благочинный Евграф Подстаницкий во вступительном слове к духовенству своего благочиния отмечал: «Доброму и многозаботливому Архипастырю нашему угодно было установить настоящие собрания ввиду того, что как мы <...> общими силами раскроем и разьясим существующие, быть может, в чем-либо недоумения и недоразумения, общими, говорю, силами, быть может, проложим путь к тому полезному, что представлялось нам прежде при всем желании трудным и неудободостижимым, и вообще скажу еще – общими

силами скорее отыщем путь водворить порядок о пасомых нами людях» [28, л. 3 об.–4]. При этом к качеству работы своих причтов Подстанницкий отнесся критично, заявив в рапорте, что их мысли, высказанные на первом собрании, «скудны, неплодотворны и недалновидны» [28, л. 2]. На «скудость и малость наших умов» сетовал его устюжский коллега Григорий Старостин [36, л. 82]. В третьем округе Вельского уезда Иосиф Кириллов писал, что «суждения наши в этом собрании, как еще первом и новом для нас, скудны и слабы по мыслям, тем более что оно произведено нами без всякой предварительной подготовки сюжетов суждения. Но смею заявить, что оно все-таки оставит благотворное влияние на среду нашу, в чем убеждаюсь из того обстоятельства, что обмен взаимных мыслей и заявление некоторых недоразумений были плодотворны, искренни и откровенны» [29, л. 23 – 23 об.].

Тон первых отзывов поддержали и «Епархиальные ведомости», констатируя, что «эти собрания уже и начинают понемногу открываться и заявлять свою деятельность по пословице «Кто чем богат, тот тем и рад». По новости дела и непривычке еще нашего духовенства к подробным совещательным собраниям, на которых дано начальством право «каждому свое суждение иметь», конечно, и нельзя покамест многого ожидать от этих собраний» [26, с. 79]. Они, подводило итог епархиальное издание, еще «младенчают», но позитивное действие их все-таки начинает сказываться. Отмечалось консолидирующее действие собраний, позволявшее причтам «мыслить и говорить свободно». Позитивный эффект усматривали не в самом факте приобретения такой свободы (она была у духовенства и раньше) – но в ее деятельном осознании, в том числе и в форме права говорить не стесняясь, перед «высшими себя» [26, с. 81]. Уже в апреле 1869 г. «Ведомости» отметили, что «духовенство Вологодской епархии, ныне призванное волею своего архипастыря к совокупному обсуждению своих нужд и потребностей и к изысканию общими соединенными силами средств к удовлетворению этих потребностей, начинает с благородной откровенностью открыто высказываться...» [24, с. 296].

То, что слом коммуникативного барьера (переход от первоначального страха, маркированного указаниями на новизну и непривычность официальных форм общения, к «благородной откровенности») занял всего около трех месяцев, свидетельствует о достаточно высокой степени внутренней готовности причтов к демократизации церковной жизни и востребованности благочиннических съездов в качестве ее инструмента. Кроме того, изменение эмоционального фона служит свидетельством формирования в епархии единого информационного пространства, в котором открытие новых собраний стимулировалось известиями об успехах предыдущих (к маю 1869 г. были напечатаны журналы уже 18 съездов, так что фактов для того, чтобы составить представление о целях и содержании их работы было накоплено вполне достаточно) [27, с. 359]. Уменьшение количества протоколов в середине – второй половине 1870-х гг., притом, что официально периодические собрания никем не были отменены, представляет собой проблему не только дальнейшей архивной эвристики. По-видимому, установившаяся в 1869 г. регуляр-

ность благочиннических съездов, превращение их в привычный формат общения обернулась со временем их естественной формализацией, неким кризисом творческой активности, бурно, но кратковременно расцветшей на рубеже десятилетий. Вкупе с другими факторами это и привело к постепенному усилению формального начала в содержании съездов и их затуханию – по мере того, как вологодское духовенство все более осознавало ограниченность своих совещательных возможностей.

Составление чернового протокола периодического собрания велось непосредственно в ходе его работы, в общую схему которого не обходимость параллельного протоколирования была заложена изначально: оно гарантировалось поэтапным движением дискуссии. Из черновика в конце съезда формировался беловой, более краткий журнальный вариант, который визирировался подписями всех присутствовавших [38, л. 3] для последующей отсылки на архирейское рассмотрение и в консисторский архив (все это – в двух экземплярах) [25, с. 41]. В дальнейшем с оригинала делалось нужное количество списков – по одному на каждый приход [28, л. 10]. Рукописные журналы полностью, в переработке или кратких извлечениях публиковались в неофициальном разделе «Епархиальных ведомостей». При выборочной публикации к печати отбирались только сюжеты, прежде на собраниях не обсуждавшиеся [37, л. 300]. Печатались журналы не регулярно, а как только в редакционном портфеле накапливалось нужное количество матерьяла. Поэтому минимальный интервал между датой самого собрания и датой известия о нем составлял в 1869 г. 1 – 1,5 месяца.

Еще одной копией журнала была в некотором смысле запись о съезде в церковно-приходской летописи [см.: 39, л. 14 об.–15 об.; 40, л. 5 об.–11; 41, л. 7 об., 8 об.]. Таким образом, актуальное информирование о факте собрания (с помощью печати охватывавшее практически всю территорию епархии) сочеталось с его увековечением в приходской социальной памяти и историографии.

Полная делопроизводственная цепочка в случае журналов периодических собраний включала четыре или пять функциональных этапов: 1) черновое протоколирование; 2) составление журнала заседания, его копирование и отсылка в консисторию при рапорте благочинного; 3) ознакомление епархиальной администрации с журналом съезда и его утверждение – полное или частичное; 4) публикация журнала в «Вологодских епархиальных ведомостях»; 5) включение сведений о съезде в годовую статью церковно-приходской летописи.

Количество журналов по каждому благочинию за весь период работы собраний (крайними датами мы условно будем считать 1868 и 1877 гг.) зависело от принятой частоты их созыва. В большинстве случаев съезды устраивались один раз в год, как правило, осенью или в начале зимы. Во многих округах, даже на северо-востоке епархии, соглашались проводить и по два собрания в год [28, л. 119 об.], в других настаивали на заявительном порядке созыва, не считая возможным «по условиям местности» съезжаться ежегодно. Благочинному также давалось право созывать по мере необходимости «чрезвычай-

ные» их сессии [28, л. 77 – 77 об.], так что к весне 1870 г. некоторые корпорации успели провести уже по три съезда [37, л. 16 – 20]. Местом сбора становилась центральная в округе церковь (т. е. та, к которой удобнее всего было добираться духовенству, или та, настоятель которой являлся благочинным) либо поочередно главные храмы всех приходов, с исключением самых отдаленных [37, л. 2].

Если съезд продолжался более одного дня, журналы каждого заседания писались отдельно, с подзаголовком-датой. Беловик исполнялся одним почерком [28, л. 77 – 82], копиями же экземпляры, в консисторском архиве подшивавшиеся порой вместе с оригиналами, могли делаться разными лицами, с незначительными отступлениями от первоначально избранного формуляра. Так, из сохранившихся двух списков журнала съезда пятого округа Сольвычегодского уезда от 15 июня 1870 г. первый выполнен с полями и полной арабской рубрикой, но во втором экземпляр – той же рукой, поля не отчеркнуты, а из обсужденных вопросов порядковый номер присвоен только одному. При этом второй экземпляр снабжен заголовком, который в первом отсутствует [37, л. 70 – 72, 73 – 75].

Композиция журналов строилась в соответствии с хронологией съезда и процессуальными требованиями, сформулированными в «Правилах».

Уже ее первый элемент – заголовок – обращает на себя внимание характером отклонений от предписанного образца. В вологодской практике вместо общего наименования («Журнал периодического собрания ... округа ... уезда Вологодской епархии [... месяца ... года] в благочинии священника ...») были использованы также два полуофициальных варианта – («журналы» (один случай) [36, л. 83], («журнальные постановления» (один случай) [37, л. 62] и («акт» (четыре случая) [28, л. 19, 29, 40; 37, л. 55]. Если по поводу первых названий никаких возражений не нашлось, то третье вызывало у епархиального руководства весьма прохладную реакцию. Один такой «акт» был, например, возвращен благочинному Андрею Исполинову (второй округ Вельского уезда) с архиерейской резолюцией о том, что «он, верно, не читал правил и другим священникам не позаботился прочитать» [28, л. 19]. Другому нарушителю – Николаю Преображенскому (Никольский уезд) – бумагу вернули на переписку с кратким внушением от епископа, («что должно называть не актом, а журналом») и просьбой послать недостающий экземпляр для консистории [28, л. 40 – 41].

Если заголовок указывал на характер протекания коммуникации, то другая типовая статья журнала – преамбула – по своему назначению была многофункциональной. Общая ее структура состояла из нескольких компонентов [см.: 37, л. 67]:

Диспозиция: Священноцерковнослужители ... округа ... уезда в числе ... священников ... диаконов [... причетников] по предварительному извещению о. Благочинного священника ..., сего ... месяца собрались к ... церкви.

Богословский элемент (призвание на действия съезда божественного покровительства): *... и после соборно отправленного Триединому Богу молебствия отправились по приглашению*

благочинного в... (здесь указывалось место заседаний – дом местного священника или благочинного, трапезная церкви либо другое помещение).

Заключение (переход к повестке дня): *... после чего ... рассуждали о ...*

Диспозитивная часть преамбулы, помимо пространственно-временной локализации собрания (указывалось даже точное время начала работы) и перечисления состава участников, называла также и цель съезда [37, л. 7], причем указание ее характеризовало съезд не как словесную институцию («собрание»), а как повторяющуюся дискуссию, подчеркивая тем самым не его форму, но сущность («собравшись ... для периодического рассуждения») [38, л. 9]. Неслучайно, что съезд и открывался общим рассуждением – вступительной молитвой («заявили по произношению молитвы Духу Святому – "Царю небесный"...») [38, л. 9]. Так диалог распространялся сразу в двух пространствах, сакральном и мирском.

Богословский элемент [аналогии см.: 42, с. 96; 43, с. 27, 40; 44, с. 42] журнальной преамбулы, чаще всего, представлял собой только уточняющий оборот к ее заключению: «и, по совершении молебна Пресвятой Троице, приступило к следующим рассуждениям...» [45, с. 111]. Источниковедчески интересны эпизоды его осложнения, маркирующие те или иные новшества в протоколе собрания. Таково, например, усиление обрядовой составляющей начального этапа съезда: «Заседание открыто пением стиха "Царю Небесный", после чего духовенство заняло свои места». В пару ему вводился аналогичный заключительный ритуал (пели на этот раз «Достойно есть») [37, л. 68]. Иногда перед закрытием устраивали даже особый молебен со свободным посвящением (также не предусмотренный типовым протоколом), например, «к титорам церковным и всем православным христианам» [28, л. 17 об.].

Если информация об обрядах выводилась в основную часть журнала, то сакральный аспект коммуникативного процесса получал некоторое процедурное преимущество над мирским: именно ритуалы, а не вопросы повестки дня становились путевыми вехами собрания. Например, в журнале четвертого округа Кадниковского уезда 29 декабря 1872 г. запись о заключительном молебне (водосвятии) была оформлена как пятый пункт повестки дня, что отражало действительное место ритуала в хронологии заседания [45, с. 115]. Возможна была и спецификация основной формулы богословской части преамбулы. В результате она сливалась с диспозицией, но синтаксически обособлялась от заключения:

Все 20 священников и некоторые диаконы отправились соборно в церкви молебен Пресвятой Троице с провозглашением многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святейшему Правительствующему Синоду, и Преосвященнейшему Палладию, Епископу Вологодскому и Устюжскому. По окончании молебствия собрание тотчас открыто [46, с. 97].

В составе журнального «богословия» многолетие – единичная, но очень важная деталь. Его

реальная встречаемость в церемониале собраний была, надо думать, большей, чем это устанавливается по источникам. В политической культуре послепетровской России литургическое возношение имени монарха фиксировало подчинение всей православной церкви императору, а отдельных ее инстанций – Святейшему Синоду, как ранее – патриарху [47, с. 77 – 85]. Поскольку очередность перечисления адресатов строго соответствовала характеру властных связей между ними, грамматика возношения и его семантика в имперском политическом дискурсе имели глубокий символический и прикладной смысл. Первый был связан с ролью церковного поминовения в практиках обрядового воспроизводства идеи власти. Второй возник тогда, когда поминовение стало функциональным звеном алгоритмов выработки и документирования управленческих решений. В нашем случае процессуальный смысл многолетия состоит в том, что оно, в отличие от молебна Троице, референтирует не к сакральной, но только к государственной и уже через нее – к высшей церковной власти. Периодическое собрание в его свете – это полностью традиционный и законный акт, акт патриотический, верно-подданический.

Статус богословского элемента как показателя двоякой правомочности съезда станет понятнее, если учесть, что в композиции журнала он является точной репликой п. 7 правил периодических собраний. Молебен Троице в правилах трактуется как способ установления божественного патроната, от которого все решения съезда воспринимали толику высшей («милости»). Иногда факт божественного вмешательства вводился в богословский элемент открыто, а не имплицитно: «Призвав на настоящее собрание благословение Божие пением молитвы “Царю небесный”, члены собрания слушали...» [32, л. 3 – 3 об.]. Отсюда заключаем, что его наличие в преамбуле обеспечивает полноту делопроизводственных признаков источника.

Преамбула, извещая о созыве собрания, как бы замыкала собой целую череду нормативных актов – от первоначального распоряжения епископа, через общую для всей епархии инструкцию и связанные с ней распоряжения консистории – до самой депеши благочинного об устройстве съезда в данном месте и в данное время. Замыкая прежний делопроизводственный цикл и запуская новый, начальная статья интегрировала журнал отдельно взятого собрания в единый правовой контекст деятельности благочиннических съездов.

Основная часть журнала оформлялась двумя способами – 1) с вынесением в отдельный пункт повестки дня в виде нумерованного списка вопросов, стоявшего сразу после преамбулы, и 2) в виде простой пошаговой записи содержания дискуссии. В публикации «Епархиальных ведомостей» предварительный список вопросов обычно опускался.

При пошаговой записи отражался, чаще всего, только результат обсуждения, а не его процесс. Стиль изложения выбирался нейтральный, от третьего лица; исключение делалось только для случаев принятия торжественных адресов на архиерейское имя, где нормой было обращение к владыке всей корпорации от первого лица.

Указывая на сопутствовавшие дискуссии обстоятельства, делопроизводители съездов ограничивались только краткими ремарками о настроении собравшихся, манере и степени напряженности коммуникации. Подробного разбора точек зрения по каждой озвученной теме не делалось (хотя бы для того, чтобы ускорить процесс копирования, и без того занимавший многие часы).

Внешне заседания происходили благоприсойно, в чем клирики согласно усматривали знак божественного одобрения работы съездов («Бывшие в собрании тишина и спокойствие, проистекавшие от единодушия нашего в мыслях и чувствах, суть свидетели благословения Божия») [28, л. 8]. Стремясь избежать ненужных дебатов, духовенство целенаправленно избирало тактику самого пунктуального исполнения правил. Предпочтительнее живой полемики для него было «истинно примерное умение соблюдать порядок и благочиние» и «достойная похвалы готовность и способность к усидчивому занятию делом». Вопросы обсуждались тогда «тихо, в порядке и с строгою последовательностью при обмене суждений» [37, л. 22]. Кадниковский благочинный П. Яблоков сообщал даже о царившем на съезде его духе единения, «как будто между односемеинными», что исключало любые «нарушения порядка» [37, л. 185]. Отсутствие намеков на споры не означало, что коммуникация проходила всегда в одном размеренном темпе: «После того собрание перешло в оживленную беседу по различным вопросам <...>. Были прочитаны правила, предложенные Его Преосвященством для периодических собраний, читаны некоторые журналы прежде бывших собраний, отпечатанные в «Епархиальных ведомостях», говорено было о них и pro и contra. Таким образом в живой домашней беседе прошло 5 – 6 часов незаметно» [36, л. 3 об.].

Следование этикету, приверженность дисциплине и правилам конструктивного диалога представляли собой, как кажется, и способ поведенческого программирования дискуссий, самоцензуры, менее очевидной, но более действенной, чем буква писаного регламента. Демонстрировать результативность работы периодических собраний старались, указывая на то, что принимаемые постановления непременно заявлялись «общим голосом» [36, л. 29], почти не встречавшим себе альтернативы. Вместо дискуссии как соревнования несходных точек зрения при такой подаче должен был иметь место обмен мнениями, все разнообразие которых рано или поздно сводилось бы к одному знаменателю. Когда дискуссионная активность была такова, что желаемого консенсуса достигнуть не удавалось, любому участнику собрания разрешалось изложить свою позицию отдельно: «По множеству голосов в общем говоре нельзя было изложить единственный результат, и потому каждому предложено было записать свое мнение...» [37, л. 8]. На основе всех сказанных делегатами «речей» формировался краткий сводный конспект, снабжавшийся при необходимости ссылками на внешние источники (материалы духовной печати и др.) или комментариями в подстрочных примечаниях [см.: 36, л. 78 – 78 об.].

Несмотря на то, что структура журнала не допускала избыточности, табличная форма, более удобная для краткой обобщенной записи,

выбиралась, по сравнению со свободно-текстовой, достаточно редко. В исследованной нами совокупности из 70 журналов она применяется в 13 (18,57 %). Почти такова же частота встречаемости журналов протокольного вида – 15 (21,43 %), причем только дважды протокольное изложение комбинируется с текстовым, т. е. в 13 примерах из 15 протокол сопутствует табличному формуляру. Свободно-текстовая организация журнала в 53 случаях (75,71 %) из 55 соответствует повествовательной манере изложения материала, при которой структурирование текста осуществлялось с помощью рубрикации пунктов. Широкую распространенность нарративной формы можно объяснить тем, что она позволяла рационально отобразить на письме весь немалый объем озвученных на съезде мнений.

Резолютивная часть журнала зачастую становилась последним пунктом повестки дня [37, л. 63, 145], при обособлении ей присваивали самостоятельный заголовок, однако структура и стиль резолюции от этого не изменялись – она сохраняла все свойства, присущие статье основной части, в особенности при протокольном членении [37, л. 33]. В некоторых журналах данная статья вообще отсутствовала [см.: 37, л. 174, 196 – 197]. Как элемент, парный преамбуле, резолютивная часть была схожа с ней по содержанию и коммуникативному назначению. Самый краткий ее вариант ограничивался только констатацией совершения благодарственного молебна и прочих обрядов. Более сложный тип включал пункты о визировании («утверждении») журнала и посылке его епископу (с допускаящимся личным обращением к владыке). При этом богословский элемент мог быть опущен, а подтверждающая процедура – отнесена в конец статьи. Третий тип статьи осложнялся обзором обстоятельств, при которых оканчивался съезд (зачастую это происходило преждевременно, по причинам чрезвычайным, таким как вспышки эпидемических болезней, или служебного порядка – из-за назначенных на воскресные дни треб, и др.). Сюда же присоединялись сведения о дате и месте следующего съезда. Далее (вариативно) излагалась подтверждающая процедура (подписание и копирование журнала), а замыкал статью богословский элемент [36, л. 79; 37, л. 11 об., 33, 56 об., 57, 68, 71 об., 141 об., 145, 226]. Укажем на то, что конечная статья всех трех типов, в отличие от начальной, становилась пространством эмоциональной рефлексии по поводу итогов съезда. Оценочность, а в ней – склонность к негативизму, этикетному принижению качества дискуссии, сближала ее с рапортами благочинных (ср.: «По окончании сих слабых, недостаточно искренних, братских и дружественных рассуждений...») [37, л. 141 об.].

В соответствии с менявшейся от случая к случаю драматургией периодических собраний, к заключительной статье журнала примыкали пункты произвольного содержания: адреса благочинным, чаще всего, посвященные юбилеям их служения в сане или данной должности, с параллельной просьбой к епархиальному начальству об увековечении их пастырских заслуг, записи о принятии торжественных адресов архиерею, о совместной трапезе после закрытия съезда [37, л. 217].

Сопроводительная документация к журналу была разнородной. Помимо рапорта благочинного, составлявшегося в течение несколь-

ких дней, реже – недель после собрания, она включала дополнительные материалы – тексты речей или записок благочинных, особых мнений участников съезда и так называемых «объяснений» клириков (по содержанию близких рапортам, но написанных в более свободной форме, излагавших причины неявки на собрания), баллотировочные листы об избрании помощников благочинного, депутатов по училищным делам, «приложения» к журналам, иные документы, относящиеся к тем или иным вопросам повестки дня (приговоры приходских попечительств, решения благочиннических советов).

На заключительной стадии документооборота по журналу собрания, после того как с ним ознакомился епископ и налагал свою резолюцию, составлялось определение духовной консистории, которое фактически представляло собой постатейную экспертизу канонической и светско-правовой безупречности постановлений съезда. Затем благочинному высылались указ, где перечислялись обнаруженные в журнале недочеты и рекомендации к их устранению или, напротив, его уведомляли о том, что все, принятое на съезде, утверждается и подлежит исполнению. Стоит заметить, что случаев признания журналов полностью недействительными не выявлено. Достаточно редки и эпизоды, в которых из-за юридических противоречий отклонялись отдельные решения окружных корпораций.

Предпринятое выше исследование журналов периодических собраний приходского духовенства вместе с сопроводительными документами к ним показывает, что процесс организационного становления собраний был, по крайней мере, двухступенчатым. Клирикам требовалось несколько месяцев, чтобы освоить новый формат коммуникации (первая стадия) и выработать неписанные правила поведения, способствовавшие созданию на съездах комфортной эмоциональной и деловой обстановки (вторая стадия). Перемена в коллективной оценке съездов четко фиксируется в журналах: структурно – в виде очевидного преобладания нарративной формы над табличной, и текстуально – в виде прямых указаний на готовность участников съездов к длительной свободной дискуссии.

Благочиннические съезды получили в Вологодской епархии традиционное делопроизводственное оформление, которое позволило «встроить» их в систему административного контроля над церковной жизнью и обеспечило съездам светско-правовую и сакральную легитимность. Но цели документирования не могли теперь ограничиваться одними только потребностями канцелярской тактики, поскольку информация о решениях съездов благодаря «Епархиальным ведомостям» вышла за границы ведомственного «письмоводства». Статьи о работе съездов, обнаруживаемые в вологодских церковно-приходских летописях, дают право предположить, что духовенство видело в них значимые в локально-историческом контексте события – такие, память о которых заслуживала сохранения. Это своеобразно-телеологическое понимание деятельности новых органов свидетельствует о зарождавшемся восприятии их именно как словных учреждений. Однако в рассмотренном примере потенциал эволюции съездов из событий в учреждения быстро сошел на нет, по не выясненным пока причинам

• **Используемые сокращения**

РГИА – Российский государственный исторический архив

ГАВО – Государственный архив Вологодской области

• **Abbreviations used**

RGIA – the Russian State Historical Archive

GAVO – State Archive of the Vologda Region

• **Литература**

1. Римский, С.В. Церковные реформы в России 60 – 70-х годов XIX столетия: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С.В. Римский. – Москва, 1998. – 40 с.
2. Римский, С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ / С.В. Римский. – Москва, 1999. – 567 с.
3. Римский, С.В. Церковная реформа Александра II / С.В. Римский // Вопросы истории. – 1996. – № 4. – С. 32 – 48.
4. Барыкина, И.Е. Проекты усовершенствования системы государственного управления Российской империи второй половины 1860-х гг. / И.Е. Барыкина // Вопросы истории. – 2016. – № 5. – С. 4 – 15.
5. Рункевич, С.Г. Русская церковь в XIX в. Исторические наброски / С.Г. Рункевич. – Санкт-Петербург, 1901. – 232 с.
6. Попова, О.Д. Журналы епархиальных съездов духовенства как источник по истории духовно-учебных заведений / О.Д. Попова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – 2012. – Вып. 1. – С. 44 – 55.
7. Смирнова И.Е. Епархиальные съезды как институт демократизации церковной жизни на рубеже XIX – XX вв. / И.Е. Смирнова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – 2012. – Вып. 1. – С. 111 – 119.
8. Цыпин, В. Благочиннический съезд / В. Цыпин // Православная энциклопедия. – Москва, 2002. – Т. 5. – С. 339 – 340.
9. Литвак, Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. / Б.Г. Литвак. – Москва, 1979. – 294 с.
10. Курилкин, И.Б. Структура епархиальных органов делопроизводства во второй половине XIX – начале XX века (на примере Оренбургской епархии) / И.Б. Курилкин // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – 2009. – № 41 (179). – С. 119 – 122.
11. Бикташева, А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. / А.Н. Бикташева. – Москва, 2012. – 496 с.
12. Ерошкин, Н.П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800 – 1860 гг.): учеб. пособие / Н.П. Ерошкин. – Москва, 1985. – 98 с.
13. Иванова, Н.А. Словесное общество Российской империи (конец XVIII – начало XX века) / Н.А. Иванова, В.П. Желтова. – Москва, 2010. – 752 с.
14. Записки графа Дмитрия Николаевича Толстого // Русский архив. – 1885. – Кн. 2. – С. 5 – 70.
15. Барыкина, И.Е. Из записок графа Д.Н. Толстого: особенности государственного управления 1820-х – 1860-х гг. / И.Е. Барыкина // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. – 2015. – № 2 (06). – С. 79 – 99.
16. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. I. Д. 9. Л. 13 об.–15.
17. Рождественский, В. Сельская беседа по поводу известия о первом постановлении Особого Присутствия / В. Рождественский // Православное обозрение. Заметки. – 1863. – № 4. – С. 197.
18. Ткачев, П.Н. Издательская и литературная деятельность Г.Е. Благосветлова / П.Н. Ткачев // П.Н. Ткачев. Кладези мудрости российских философов. – Москва, 1990. – С. 550 – 576.
19. Гросул, В.Я. Крестьянский вопрос в общественном мнении России накануне реформы 1861 г. / В.Я. Гросул // Труды Института российской истории. Вып. 10 / отв. ред. Ю.А. Петров, ред.-коорд. Е.Н. Рудая. – Москва, 2012. – С. 71 – 114.
20. Гросул, В.Я. Общественное мнение в России XIX века / В.Я. Гросул. – Москва, 2013. – 560 с.
21. Воронежские епархиальные ведомости. – 1869. – 1 января. – № 1. – С. 34.
22. Мельникова, Ю.Н. Формирование корпуса гласных Олонекской губернии в период становления земских учреждений / Ю.Н. Мельникова // Вестник Ленинградского областного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 4. – № 4. – С. 113 – 119.
23. Всеволодов, А.В. «Вологодские епархиальные ведомости» и вопрос о созыве окружных съездов приходского духовенства (вторая половина 1860-х гг.) / А.В. Всеволодов // Ученые записки Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 39 – 44.
24. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1869. – № 8.
25. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1869. – № 1.
26. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1869. – № 2.
27. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1869. – № 10.
28. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14293.
29. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14291.
30. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1869. – № 3.
31. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1869. – № 5.
32. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15086.
33. Делопроизводственные материалы // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – Москва, 1998. – С. 397.
34. Делопроизводственная документация // Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. – Москва, 1973. – С. 307 – 308.
35. Серeda, Н.В. Журналы заседаний и методика их изучения / Н.В. Серeda // Массовые источники истории и культуры России: материалы XII Всерос. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники по истории и культуре России XVI – XX вв. Проблемы изучения и издания», посвященной памяти В.В. Крестинина (1729 – 1795) / отв. ред. Г.В. Демчук. – Архангельск, 2002. – С. 266 – 271.
36. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14292.

37. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14386.
 38. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 14574.
 39. ГАВО. Ф. 1063. Оп. 57. Д. 32.
 40. ГАВО. Ф. 1063. Оп. 85. Д. 22.
 41. ГАВО. Ф. 1063. Оп. 102. Д. 13.
 42. Каштанов, С.М. Богословская преамбула жалованных грамот / С.М. Каштанов // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. – Ленинград, 1973. – С. 81 – 107.
 43. Каштанов, С.М. Очерки русской дипломатики / С.М. Каштанов. – Москва, 1970. – 502 с.
 44. Черкасова, М.С. Поземельные акты как источник изучения религиозного сознания средневековой Руси / М.С. Черкасова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 2(8). – С. 42 – 47.
 45. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1873. – № 3.
 46. Вологодские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1872. – № 3.
 47. Живов, В.М. Из церковной истории времен Петра Великого / В.М. Живов. – Москва, 2004. – 360 с.
- **References**
- Rimsky, S.V. Tserkovnye reformy v Rossii 60–70-kh godov XIX stoletiya [Church reforms in Russia of the 1960 – 1970s of the XIX century]: abstract of diss.... Dr. Sci. (History) / S.V. Rimsky. – Moscow, 1998. – 40 p.
 - Rimsky, S.V. Rossiiskaya tserkov' v epokhu Velikikh reform [The Russian Church in the era of Great Reforms] / S.V. Rimsky. – Moscow, 1999. – 567 p.
 - Rimsky, S.V. Tserkovnaya reforma Aleksandra II [Church reform of Alexander II] / S.V. Rimsky // Problems of history. – 1996. – No. 4. – P. 32 – 48.
 - Barykina, I.E. Proekty usovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny 1860-kh gg. [Projects for improving the system of state administration of the Russian Empire in the second half of the 1860s] / I.E. Barykina // Problems of history. – 2016. – No 5. – P. 4 – 15.
 - Runkevich, S.G. Russkaya tserkov' v XIX v. Istoricheskie nabroski [The Russian Church in the XIX century. Historical sketches] / S.G. Runkevich. – St. Petersburg, 1901. – 232 p.
 - Popova, O.D. Zhurnaly eparkhial'nykh s'ezdov dukhovenstva kak istochnik po istorii dukhovno-uchebnykh zavedenii [Journals of diocesan congresses of clergy as a source on the history of spiritual educational institutions] / O.D. Popova // Bull. of Tver State Univ. Series «History». – 2012. – Issue 1. – P. 44 – 55.
 - Smirnova, I.E. Eparkhial'nye s'ezdy kak institut demokratizatsii tserkovnoi zhizni na rubezhe XIX – XX vv. [Diocesan congresses as an institution of democratization of church life at the turn of the XIX – XX centuries] / I.E. Smirnova // Bull. of Tver State Univ. Series «History». – 2012. – Issue 1. – P. 111 – 119.
 - Tsypin, V. Blagochinnicheskii s'ezd [The Deanery Congress] / V. Tsypin // Orthodox Encyclopedia. – Moscow, 2002. – Vol. 5. – P. 339 – 340.
 - Litvak, B.G. Ocherki istochnikovedeniya massovoi dokumentatsii XIX – nachala XX v. [Essays on the source studies of mass documentation of the XIX – early XX century] / B.G. Litvak. – Moscow, 1979. – 294 p.
 - Kurilkin, I.B. Struktura eparkhial'nykh organov deloproizvodstva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na primere Orenburgskoi eparkhii) [The structure of diocesan record-keeping bodies in the second half of the XIX – early XX century (on the example of the Orenburg diocese)] / I.B. Kurilkin // Bull. of the Chelyabinsk State Univ. Series «History». – 2009. – No. 41 (179). – P. 119 – 122.
 - Biktasheva, A.N. Antropologiya vlasti: kazanskie gubernatory pervoi poloviny XIX veka [Anthropology of power: Kazan governors of the first half of the XIX century] / A.N. Biktasheva. – Moscow, 2012. – 496 p.
 - Eroshkin, N.P. Mestnye gosudarstvennye uchrezhdeniya doreformennoi Rossii (1800–1860 gg.): ucheb. posobie [Local state institutions of prereform Russia (1800 – 1860): textbook] / N.P. Eroshkin. – Moscow, 1985. – 98 p.
 - Ivanova, N.A. Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii (konets XVIII – nachalo XX veka) [Estate society of the Russian Empire (late XVIII – early XX century)] / N.A. Ivanova, V.P. Zheltova. – Moscow, 2010. – 752 p.
 - Zapiski grafa Dmitriya Nikolaevicha Tolstogo [Notes of Count Dmitry Nikolaevich Tolstoy] // Russian Archive. – 1885. – Book 2. – P. 5 – 70.
 - Barykina, I.E. Iz zapisok grafa D.N. Tolstogo: osobennosti gosudarstvennogo upravleniya 1820-kh – 1860-kh gg. [From the notes of Count D.N. Tolstoy: features of public administration in the 1820s–1860s] / I.E. Barykina // Petersburg Historical Journal. Research on Russian and universal history. – 2015. – No. 2 (06). – P. 79 – 99.
 - RGIA. F. 804. Op. 1. Razd. I. D. 9. L. 13 ob.–15.
 - Rozhdestvensky, V. Sel'skaya beseda po povodu izvestiya o pervom postanovlenii Osobogo Prisutstviya [Rural conversation about the news of the first resolution of the Special Presence] / V. Rozhdestvensky // Orthodox Review. Notes. – 1863. – No. 4. – P. 197.
 - Tkachev, P.N. Izdatel'skaya i literaturnaya deyatelnost' G.E. Blagosvetlova [Publishing and literary activity of G.E. Blagosvetlov] / P.N. Tkachev // The wells of wisdom of Russian philosophers. – Moscow, 1990. – P. 550 – 576.
 - Grosul, V.Ya. Krest'yanskii vopros v obshchestvennom mnenii Rossii nakanune reformy 1861 g. [The peasant question in the public opinion of Russia on the eve of the reform of 1861] / V.Ya. Grosul // Proc. of the Inst. of Russian History. Issue 10 / Eds. Yu.A. Petrov, E.N. Rudaya. – Moscow, 2012. – P. 71 – 114.
 - Grosul, V.Ya. Obshchestvennoe mnenie v Rossii XIX veka [Public opinion in Russia of the XIX century]. – Moscow, 2013. – 560 p.
 - Voronezhskie eparkhial'nye vedomosti [Voronezh Diocesan Gazette]. – 1869. – January 1. – No. 1. – P. 34.
 - Mel'nikova, Yu.N. Formirovanie korpusa glasnykh Olonetskoj gubernii v period stanovleniya zemskikh uchrezhdenii [Formation of the vowel corps of the Olonets province during the formation of zemstvo institutions] / Yu.N. Mel'nikova // Bull. of A.S. Pushkin Leningrad Regional University. – 2012. – Vol. 4. – No. 4. – P. 113 – 119.
 - Vsevolodov, A.V. «Vologodskie eparkhial'nye vedomosti» i vopros o sozryve okruzhnykh s'ezdov prikhodskogo dukhovenstva (vtoraya polovina 1860-kh gg.) [«Vologda Diocesan Ga-

- zette» and the question of convocation of district congresses of parish clergy (second half of the 1860s)] / A.V.Vsevolodov // Sci. notes of Cherepovets State Univ. – 2015. – No. 2. – P. 39 – 44.
24. Vologodskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya [Vologda Diocesan Gazette. Additions]. – 1869. – No. 8.
 25. Ibid. – 1869. – No. 1.
 26. Ibid. – 1869. – No. 2.
 27. Ibid. – 1869. – No. 10.
 28. GAVO. F. 496. Op. 1. D. 14293.
 29. Ibid. F. 496. Op. 1. D. 14291.
 30. Ibid. – 1869. – No. 3.
 31. Ibid. – 1869. – No. 5.
 32. GAVO. F. 496. Op. 1. D. 15086.
 33. Deloproizvodstvennye materialy [Office materials] // Source studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history: Textbook / I.N. Danilevsky, V.V. Kabanov, O.M. Medushevskaya, M.F. Rumyantseva. – Moscow, 1998. – P. 397.
 34. Deloproizvodstvennaya dokumentatsiya [Office documentation] // Source studies of the history of the USSR / Ed. I.D. Kovalchenko. – Moscow, 1973. – P. 307 – 308.
 35. Sereda, N.V. Zhurnaly zasedanii i metodika ikh izucheniya [Meeting logs and methods of their study] / N.V. Sereda // Mass Sources of Russian History and Culture: Materials of the XII All-Russian Conf. «Scribal books and other mass sources on the history and culture of Russia of the XVI – XX centuries. Problems of study and publication», dedicated to the memory of V.V. Krestinin (1729 – 1795) / Ed. G.V. Demchuk. – Arkhangel'sk, 2002. – P. 266 – 271.
 36. GAVO. F. 496. Op. 1. D. 14292.
 37. Ibid. F. 496. Op. 1. D. 14386.
 38. Ibid. F. 496. Op. 1. D. 14574.
 39. Ibid. F. 1063. Op. 57. D. 32.
 40. Ibid. F. 1063. Op. 85. D. 22.
 41. Ibid. F. 1063. Op. 102. D. 13.
 42. Kashtanov, S.M. Bogoslovskaya preambula zh-alovannykh gramot [The theological preamble of certificates of merit] / S.M. Kashtanov // Auxiliary historical disciplines. Issue 5. – Leningrad, 1973. – P. 81 – 107.
 43. Kashtanov, S.M. Ocherki russkoi diplomatiki [Essays of Russian diplomacy] / S.M. Kashtanov. – Moscow, 1970. – 502 p.
 44. Cherkasova, M.S. Pozemel'nye akty kak istochnik izucheniya religioznogo soznaniya srednevekovoi Rusi [Land acts as a source of studying the religious consciousness of medieval Russia] / M.S. Cherkasova // Ancient Russia. Issues of medieval studies. – 2002. – No. 2(8). – P. 42 – 47.
 45. Vologodskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya [Vologda Diocesan Gazette. Additions]. – 1873. – No. 3.
 46. Ibid. - 1872. - No. 3.
 47. Zhivov, V.M. Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo [From the Church history of the times of Peter the Great] / V.M. Zhivov. – Moscow, 2004. – 360 p.

Статья поступила в редакцию 28.01.2022

The Editorial Office received the paper on 28.01.2022